

ЗНАЧЕНИЕ *BIBLIA PAUPERUM* В НАРРАТИВНОМ ВОСПИТАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Мария Тильк

Таллинский университет, Эстония
Э-почта: mariat@tlu.ee

Абстракт

Каждый культурный период, каждое время определяет свое отношение к вопросам воспитания подрастающего поколения. И многие проблемы современности получают дополнительные объяснения через явления прошлого. Современная воспитательная совокупность имеет кроме всего прочего своей составляющей пестрый и разносторонний язык картин, символов, изображений, часто двусмысленных информационных сигналов. Знания о влиянии визуальной информации дают воспитателям дополнительные возможности заинтересовать, обучить, предостеречь детей. Человечество давно использует быстрый, четкий, но часто и многослойный визуальный язык для передачи информации. Одним из таких языков является средневековая т.н. библия для бедных или библия пауперум (изображения на стенах храмов).

Эти картины, которым сопутствовали рассказы, создавали мощный поток информации о религии, нравственности, правильном поведении, о традициях и табу. Это был постоянно звучащий рассказ, который воспитывал средневекового человека.

Ключевые слова : Библия пауперум, нарратив, влияние христианства, воспитание, знак и символ.

Введение

Понятие *библия пауперум* общее как для относительно длительного периода во времени и пространстве, так и для большого (если не большего) количества людей средневековья. Это изобразительное воспитание, рассказы по картинкам, т.е. по изображениям в скульптурах, рельефах, фреско, иконографии. Людям средневековья грамотность была в смысле чтения и письма в большинстве недоступна. Но всех воспитывали «правильными» христианами. Это было по сути воспитание поведения. Но нужно было объяснять, почему надо вести себя так или иначе. И эти объяснения основывались на картинных изображениях конкретных рассказов, в первую очередь рассказов из Священного Писания. Это были многопластовые сюжеты, которые можно было рассказывать, начиная с доступного для детей языка и кончая философскими рассуждениями церковных отцов. Вербализация иконографического знака или символа происходила на индивидуальном уровне. Каждый рассказывал, что умел видеть и как знал или помнил. Высшим авторитетом было Священное Писание, и к этому прибавлялись труды оцов церкви. Но все это знали лишь священники. В народе было много разных объяснений, каждый выставляемый аргумент должен был основываться на авторитете про-

шлого. Таковым было нарративное воспитание в педагогической парадигме средневековья, изображения формировали воображение, веру и знания.

Методология

Современная философская традиция видит особенность отношений человека с миром в том, что субъект описывает свое участие в этих отношениях посредством разнообразных языковых форм, раскрывающих внутренние причины его поведения. Посредством нарратива, или повествования, мы придаем практике форму и смысл, упорядочиваем наш опыт темпорально и логически, выделяя в нем начало, середину, конец и центральную тему (Троцук 2005:3). Нарративы повсеместны как механизм организации человеческого опыта, локальны в силу исторически конкретных путей их восприятия, обладают социальной инструментальностью и прагматическим потенциалом, но в итоге формируют и ограничивают какую-то определенную сферу во временном пространстве, которую мы и можем назвать *педагогической парадигмой*.

Брокмейер и Харре оценивают нарратив как самую общую категорию лингвистического производства, которая должна использоваться «как выражение ряда инструкций и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла опыту, становления знания, в процедурах извинения и оправдания и т.д.... как концентрированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры.» (Брокмейер, Харре 2000:36)

В современной науке значительное распространение получили теории структурно-функционального анализа (Т.Парсонс, Р.Мертон), которые в качестве определяющей структуры при изучении общества берут совокупность общепринятых норм, принуждающих человека выполнять функциональные требования социальной системы. При изучении истории культуры часто используется теория структуралистов (К.Леви-Стросс, М.Фуко), подчеркивающих базисное значение языково-знаковых структур.

В данной статье делается попытка использовать один из методов исторического познания, а именно *историко-генетический*. Этот метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях (Троцук 2005:6). Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. Этот метод позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта исследования. При этом историческое явление отражается в наиболее конкретной форме. Познание идет последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему. По природе генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации – описательным. Генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи, закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. Всестороннее изучение *библии пауперум* по этому методу дает целостную картину формирования мировоззрения и менталитета средневекового человека.

***Библия пауперум* как воспитательный нарратив**

Обучение подрастающего поколения в средние века существенно отличалось от современного школьного обучения. Учителями простых прихожан были священники. Они проповедовали, исповедовали, причащали и приучали через священные таинства к правильному для христианина поведению (Модзалевский 2000:217). Часто особенно популярны и с восторгом принимаемы были знаменитые странствующие проповедники, которые заряжали своей экзальтацией, фанатичной верой и красноречием. Причем, чем более фигурально они выражались, чем больше использовали красочные объяснения, тем ближе добивались они до душевных эмоций простых верующих.

Но чтобы полностью понять и по достоинству оценить речи священников и проповедников, нужно было быть подготовленным, «образованным», понимать это красноречие, и этому обучались с малолетства, взирая именно на весь богатый материал библии пауперум, на

многогранные и красочные изображения, украшающие внешние и внутренние стены храмов, часовен, церквей. Таким образом мы имеем дело с основательным учебником средневекового человека.

Это была совокупность сюжетов Священного писания, рассказы о жизни пророков, святых, жизнеописание Христа с рождения до мученической смерти на кресте. Все эти сюжеты рассказывались детям родителями с первого посещения храма. Взрослея, человек помнил и понимал данный сюжет все глубже и шире. Разумеется, что одну картину объяснял отец малолетнему сыну не так, как своей жене, а священник своей пастве не так, как настоятель церкви, заказывающий художнику новую картину на ту же тему. К тому же, изготавливались маленькие книжечки из гравюр и цветных картинок для детей знати, но это было очень дорого.

Такое «изобразительное воспитание» начиналось очень рано и продолжалось всю жизнь. Чем больше человек знал символику цвета, чисел, атрибутов, жестов и т.д., тем больше была радость узнавания и возможность догадываться.

Библия пауперум была полностью воспитательным нарративом, поскольку это изобразительное обучение, познание и узнавание проходили все жители, и мужчины и женщины невзирая на сословие, возраст, богатство или умственные способности.

Философский и религиозный аспект библии пауперум в нарративном воспитании

Именно потому, что повсеместно изображаемая картинная галерея была несмотря на разный уровень исполнительного мастерства строго подчинена канонам христианской религии, обучение и воспитание шло по одинаковому пути и в правильном направлении (Тарнас 1995:144). Каноны были известны всем художникам, и это втискивало изображение в довольно тесные рамки, оставляя художнику самому лишь второстепенный выбор деталей. Как сказано, почти все изображаемое подчинялось символике, и художник, как и зритель, знал и читал эти законы и понятия. Отсюда одинаково узнаваемые сюжеты композиций художников разных эпох и разных национальностей. Например мы сразу узнаем тему Рождества как на картинах раннего Средневековья, так и на полотнах мастеров Возрождения или Нового времени, будь они немцы, голландцы, англичане или итальянцы (Экко 2006:61).

В любом случае *библия пауперум* подчеркивала правильное знание изображаемого и следующее этому правильное поведение.

Это было в первую очередь религиозное воспитание, постоянное напоминание библейских сюжетов, но поскольку сюжеты были, с одной стороны относительно простые и понятные, а с другой стороны, оснащены нужными, но не всегда бросающимися в глаза деталями, то оставляли возможность снова и снова узнавать, находить знакомое в идеях художника и, главное, размышлять о виденном, додумывать, запоминать.

Мы считаем средневекового человека наивным. Он свято верил в чудеса. При этом, так как средневековье постоянно страдало от неурожая, опустошительных набегов, как правило, человек недоедал. Даже знать не всегда была лишена страха перед голодом. Постоянное недоедание делало психику более слабой и ранимой (Тэн 1996:46). Это обстоятельство усиливало возиожность психически уже подготовленного, т.е. глубоко религиозного человека, видеть и переживать чудеса. К тому же, он не хотел докапываться до истины (а интересно, как это у них получается?), он верил. Сегодня стоит задуматься над этой огромной разницей восприятия: средневековый человек видел чудо и видел его даже там, где чуда не было, а современный человек не видит чуда даже там, где оно действительно происходит. При этом невольно возникает вопрос, а кто из них духовно богаче?

Искусство библии пауперум как элемент нарративного воспитания

Воспитательные идеи в изобразительном показе действовали не только на религиозные и этические чувства зрителя. Это было в полном смысле эстетическое воспитание. Во-первых, изображаемое тесно переплеталось с христианскими табу и учило что такое хорошо и что

такое плохо, а также, что такое красиво в смысле правильно и что такое некрасиво, а значит, и неправильно (Экко 2008:73). Во-вторых, зритель обучался отношению к краскам, привыкал к красочности изображений, его повседневная жизнь становилась ярче. Картина давала целостное визуальное понятие, которое легко запечатлевалось в памяти. В-третьих, нужно помнить, что Средневековье, это время жеста, изображение обучало подражанию (Элиас 2001:113). Ведь *библия пауперум* была застывшим театральным представлением, вереницей показных правильных жестовых ситуаций, в первую очередь выражающих смирение, мольбу, признание своей вины и покаяние. Особенно часто показывались и как бы подчеркивались коленапреклонение, сложенные в молитве руки, поднятые к небу глаза, перст указывающий в небо, благословление (от Христа, духовника, родителей) и тд. Эти жесты оживали постоянно в повседневной жизни. Например, у родителей просили «руки невесты», она отдавала «руку и сердце», У священника, сеньера, отца целовали руку, рыцари бросали перчатку, снимали шлем. Важным жестом был ритуальный «поцелуй мира», который закреплял договор и тд.

Частые церковные процессии, разыгрывающиеся в храмах и на городских площадях мистерии, поведение духовенства, особенно монахов, все это в совокупности закрепляло поведенческие примеры в визуальном восприятии простого христианина. Ведь он был истинным верующим, а не скептиком.

В то же самое время рассматриваемое и увиденное (в смысле понятое) создавало как бы мозаику из множества отдельных картинок, и эта мозаика воспринималась и пересказывалась каждый раз по-своему. Живя в такой богатой изображениями среде, христианин постоянно слышал, видел и пересказывал воспринятое, т.е. был погружен а сферу историй, которые знали в общих чертах все, но которые можно было всегда от себя красочно дополнить.

Если присмотреться к эмоциональности воспитания, то стоит только вспомнить многочисленные и яркие изображения ада. Ведь все христианское воспитание было направлено на постоянное напоминание о потустороннем мире, где ожидает неминуемый суд. Вся земная жизнь считалась короткой подготовкой к вечному блаженству в раю или также вечным мукам в аду. Так как рая средневековый человек для себя четко не представлял, Бога лицезреть было невозможно и ангелы показывались тоже редко даже во снах, то рай и в изображениях *библия пауперум* это была статика, там практически ничего не происходило, только вечное благоухание, зрелые плоды и хоры поющих ангелов. Туда попасть надеялись немногие, хотя надежда на милосердие Бога не покидала никого.

Другое дело ад. В изображениях ада поражает досконально распределенный «прейскурант» наказаний за грехи. Убийство, воровство, прелюбодеяние, злословие, зависть и тд. – все наказания отражались на картинах, рельефах, в скульптурах очень ярко и эмоционально. Кого за что в аду жарят, кого варят, кого прибавают языком к стене, кого рвут на части. Черти изображаются страшными, их образы врезались в память (особенно ребенка) намного глубже, чем где-то парящие небожители-ангелы. Каждый человек переживал свои низменные страсти, свои грехи. Страх был ближе и воспринимался острее. Ведь изображения на стенах храмов и монастырей тесно переплетались с семью таинствами, семью смертельными грехами, с заповедями. Все эти поучения и изображения создавали постоянный воспитательный фон, дисциплинировали (Тильк 2004:68).

Роль нравственности в воспитании через *библия пауперум*

Средневековое мировосприятие кроме переживаний и слез за грехи могло жить надеждой, что Бог всемилостливый и простит кающегося человека. Прекрасными нравственными идеалами были Вера, Надежда и Любовь. И обмануть Бога было нельзя. Ведь Бог все видел. Он смотрел даже в души и умел читать мысли. А это был огромный воспитательный рычаг. По сравнению с нашим временем Средневековье не знало безнаказанности. Это мы, к сожалению, прививаем своим детям понятие: «Если никто не видит, то никто и не видит». Средневековый человек знал, что такого быть не может. Конечно, он мог это на время забыть, творить насилие, грабить и убивать, но где-то в глубине души он знал, что на границе жизни и смерти ему все припомнится. Именно поэтому было особенно важным таинство последней исповеди и покаяния. А яркие изображения на все лады показывали, как черти ждут и волокут

душу умирающего грешника в ад, имея длинный список его грехов, и как ангелы плачут, не в силах вырвать эту душу.

Изображения *библия пауперум* мотивировали также исповедь. Ведь исповедь требовала откровенности, а откровенность помогает человеку признавать свои ошибки и через этот нелегкий путь воспитывать себя. Исповедь кончалась покаянием. Другими словами, человек каждый раз как бы созидал себя лучшего и более цельного на пути к Богу. Конечно, полностью правильными становились лишь святые (которые, кстати, были именно своим личным примером неопределимыми нравственными воспитателями), но кающийся христианин был настолько обычным и постоянным явлением, что воспитательный процесс происходил во всяком случае мощно, несмотря на то, насколько конкретно исправился один или другой человек.

Ритуал как метод нарративного воспитания в *библия пауперум*

Все изображенное в *библия пауперум* через ритуалы вливалось в общее обучение правильному поведению, именно поведению, а не просто знанию. Каждый христианин показывал каждый день окружающим, что он верует, живет по заповедям, выполняет все правила и четко знает запреты.

Это была каждодневная цепь ритуальных действий, начиная с утренней молитвы и кончая вечерней, перед отходом ко сну. Картины учили жестах, правильной осанке, напоминали последовательность ритуалов и, главное, напоминали, что бдительное око всемогущего Бога неустанно следит за действиями и помыслами грешного человека. В то же самое время картины, скульптуры, вся красочность *библии пауперум* придавали обыденным действиям праздничность, величие. Ритуалы в храме захватывали прихожанина своей яркостью и совершенным отличием от его обычных повседневных дел. Он воспринимал все это всеми чувствами: видел, слышал, осязал. Ритуальность была вписана в изображаемое как обязательная составляющая. Исполнение ритуалов давало человеку надежду, и эта надежда отражалась во всех изображениях, даже страшных. Ведь безнаказанности не было, а человек верил в справедливого Бога. Через ритуальность средневековый человек осуществлял свои договоры с Богом. Все таинства были ритуалами и насыщены глубокой символикой.

Символ в средневековом нарративном воспитании

Богатая символика христианского изобразительного искусства давала в любой момент возможность узнать в картинном или скульптурном изображении знакомый рассказ, знакомое действующее лицо. Так как исполнение изображений было не всегда делом рук первоклассных мастеров, то в неуклюжих иногда скульптурах и одинаковых или похожих фигурах помогали разбираться точно определенные атрибуты (Если у фигуры бородатого старца в руках ключ, то каждый христианин знал, что это Св.Петр и никто другой, и если у внешне похожего старца в руках диагональный крест, то это Св. Андрей итд.) (Саартио 1963:78)

В народе было много разных объяснений, каждый выставляемый аргумент должен был основываться на авторитете прошлого. «Аргумент традиции» был непоколебим, изобретение, *novitas* считалось греховным и было запрещено (В этом отражались и понятия традиционной крестьянской общины, где знания и тайны передавались поколениями устно и часто лишь достойной части общества.)

В средневековье нравственности обучали также посредством стереотипных рассказов, которые повторялись опять и опять в речах проповедников или литургических представлениях и иллюстрировали определенные «уроки» лучше всего (Арьес 1999:338). Такие примеры морального поведения, т.н. *exempla* и составляли большую часть средневековой поучительно-морализующей литературы. Например пронизывающее все Средневековье отрицание стараний сына выйти из своего сословия и подняться выше.

Символы были в знании, самовосприятии, мировидении средневекового человека намного важнее, чем сегодня (Лотман 1999:221). Так как большинство населения было неграмотно, то знакам, жестах, изображениям придавали более важное значение и к ним был повышенный

интерес. Вся жизнь была наполнена определенными символами. Звуки и запахи воспринимались также как символы. Все умели их читать, обращали на них внимание, делали правильные выводы и всему этому обучали с малолетства своих детей. Символы и знаки формировали мировоззрение человека.

В первую очередь глубокую символику отражала архитектура. Над всем возвышались и упирались в небо храмы – местопребывание Бога (Мартынов 1999:188). На воздвижение храмов шли огромные средства, использовались лучшие мастера. Это была красота, величие, четкая структура, которая должна была отражаться и в душе человека. Церкви сосредотачивали мысли человека вверх, в небо. Церковь всегда подчеркивала разницу между маленьким грешным человеком и могуществом и всевидением небожителей. Строителями храмов были монахи, они знали психологию архитектуры, знали мистические соотношения чисел и тд. Храмы строились по крестообразному плану. Чем ближе к алтарю, тем более святым становилось пространство, тем чище должен был быть человек. В храме использовалась вода и огонь как очищающие элементы. Церковное пение, запах ладана, красочный блеск витражей – все подчеркивало величие храма. Башни церквей были видны далеко и были сигналом путнику, что остров утешения и милосердия близок

Христианский мир был подчинен знаку креста. На смене первого тысячелетия крест не был еще символом распятия Христа, а был знаком триумфа, победы добра над злом. Также он отождествлял власть данную Богом (Вовк 2005:7). Как меч был символом рыцарства и власти, крест был символом порядка, света и воскресения, позднее и власти императора. Во втором тысячелетии крест превратился в самый важный символ страданий Христа. На каждом перекрестке дорог, не говоря о церквях, стояло распятие, *krutsifiks*, напоминавшее грешникам страх и неизбежность правосудия.

В связи с символикой музыкальные инструменты были или в большом почете (орган) или отвергались полностью как бесовские (дудки, волынка), так как музыка разделялась на небесную и бесовскую. Крестьянские жизнерадостные танцы считались бесовскими а под сводами церкви происходил своеобразный святой танец- двигались процессии, литургические передвижения, которые вместе с наставлениями, молитвами, музыкой, пением, светом большого количества свечей и запахом ладана связывали все происходящее в единое могучее представление (Холл 1996:405).

Символическому значению была подчинена вся природа, весь животный и растительный мир. Каждый христианин знал, что Восток святая сторона света, и поэтому алтари храмов были всегда в восточной части, или что огонь имеет очищающее свойство, и поэтому ведьм нужно сжигать на костре. Знак креста отпугивал Сатану, ярко-желтый цвет – это цвет божественного нимба (но и золота), а грязно(серно-)-желтый – это цвет Ада (как и запах серы) и поэтому Иуда изображается в грязно-желтой мантии. Или при изображении рождения Христа, кроме Святого Семейства обязательно присутствуют вол и осел как канонические символы(вол как символ трудолюбия и осел как символ смирения). Но как они изображены, только головы или целиком, вдалеке или рядом с младенцем, это уже выбор художника. Или тема Благовещения, где должна присутствовать лилия как символ чистоты Девы Марии, но художник может этот цветок в своей композиции дать в руки архангелу Гавриилу, или Марии, или посадить его на передний план в садике, или поставить в вазу. Все знали, что три это Троица, но и количество гвоздей на Кресте Христа, что Бог сотворил мир за шесть дней, что смертельных грехов семь, а апостолов двенадцать и что Христос пребывал в пустыне, где его искушал Сатана, сорок дней и поэтому аждый христианин должен поститься именно столько дней и тд.

Считалось, что все видимые, слышимые и повседневно встречающиеся нам вещи заимствовали то, что в них есть реального, из невидимого и неслышимого источника бытия и, вопреки распространенному мнению, сами более хрупки и преходящи, чем их неосязаемый образец. Таким образом, средневековый человек совершил чудо превращения. Он превратил чувственный мир в призрачный и создал идеальное в материальном (Гильберт, Кун 2000:169).

Символом стали и обрели глубокий духовный смысл повседневные вещи. Меч рыцаря освящался на алтаре, в его рукоять вделывалась реликвия и поэтому он мог стать даже алтарем в походных условиях. Личная печать почиталась высоко, за подделку карали смертью, по смерти владельца печать или клали в гроб или прилюдно разламывали.

Каждый христианин имел при себе четки, носил на шее крестик. Нательную рубашку никогда не покупали и не заказывали у чужого. Даже королевы шили рубашку мужу, сыну, брату, отцу собственноручно, часто вшивая оберегательные знаки или слова молитв. (Горбачева 2000:24). Профессии распределялись на честные и бесчестные часто в связи с символикой (Ле Гофф 2000:63).

Средневековый человек воспринимал и речь, слова как многозначную систему символов. Зло нельзя было призывать, богохульство каралось очень строго и за речью детей следили все, а не только родители. Все знали наизусть молитвы, многие знали их и на латинском языке, хотя не понимали точное значение слов. Молитвы звучали постоянно как магия и очищали и защищали. В повседневную речь вошли выражения из Библии. И мы используем многие из них: хлеб насущный, фома неверующий, фиговый листок, соль земли, смертный грех, перст Божий, обетованная земля, нести свой крест, запретный плод, корень зла, манна небесная, краеугольный камень, умывать руки, тридцать серебряников, Каинова печать и тд (Раков 1999:350). Все знали, какие понятия стояли за этими выражениями. Церковь вообще старалась формировать речь христианина. Это было время устного слова и заучивания по памяти. Наставления священников, звучащие молитвы, церковные песнопения запоминались. В мирской жизни человек придавал своим словам также магическое значение. Он клялся, обещал, хвалил, угрожал, используя весь арсенал принятых выражений, за которыми был текст Библии и которые подкрепляли его действия.

Заключение

В итоге средневековый христианин, несмотря на то, что он не посещал школу или посещал ее очень короткое время и часто не умел не читать не писать, был в то же время образован по понятиям того времени. Более того, он учился дополнительно всю свою жизнь. Перед его глазами была постоянно картинная роспись, скульптуры, знаки и символы, которые напоминали, объясняли, предостерегали, и этими знаниями пользовались все. Библия пауперум становилась частью фольклора, поэзии и литературы. Она входила в изобразительное искусство, обучала поведению, напоминала заповеди христианского учения, заставляла любоваться и приносила радость. Это был многослойный и интересный учебник Средневековья.

Литература

- Арьес, Ф. (1999). Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург. Изд. Уральского университета.
- Брокмейер, И., Харре, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. Вопросы философии № 3, 32-48.
- Вовк, О.В. (2005). Знаки и символы в истории цивилизации. Москва. «Вече».
- Гильберт, К.Э., Кун, Г. (2000). История эстетики. С.-Пб. «Алетейя».
- Горбачева, Л.М. (2000). Костюм средневекового Запада. Москва. «Гитис».
- Ле Гофф, Ж. (2000). Другое Средневековье. Екатеринбург. Изд. Уральского университета.
- Мартынов, В.Ф. (1999). Философия красоты. Минск. ТетраСистемс.
- Модзалевский, Л.Н. (2000). Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. С.-Пб. «Алетейя».
- Раков, Ю.А. (1999). Сокровища античной и библейской мудрости. С.-Пб. Издательский Дом «МиМ» ТОО «Респекс».
- Тарнас, Р. (1995). История западного мышления. Москва Крон-Пресс.
- Троцук, И.В. (2005). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. Вестник РУДН, № 6-7, 56-74
- Тэн, И. (1996). Философия искусства. Москва. Республика
- Холл, Дж. (1996). Словарь сюжетов и символов в искусстве. Москва. Крон-Пресс

Элиас, Н. (2001). О процессе цивилизации. 1 том. Москва-С-Пб. Университетская книга.

Lotman, J. (1999). *Semiosfäärist*. Tallinn Vagabund.

Tilk, M. (2004). *Kasvatus eri kultuurides*. Tallinn.

Eco, U. (2006). *Ilu ajalugu*. Tallinn. Eesti Entsüklopeediakirjastus.

Eco, U. (2008). *Inetuse ajalugu*. Tallinn. Eesti Entsüklopeediakirjastus.

Summary

BIBLIA PAUPERUM AS NARRATIVE EDUCATION IN MIDDLE AGE

Maria Tilk

Tallinn University, Estonia

It is possible to explain several present - day problems through the phenomena of the past. Among other things contemporary pedagogical community also includes a diverse and variegated language of pictures, images and colours. These are often signals of multiple meanings. Knowledge of the influence of visual information enables the educators to warn their mentees or to increase interest in them. For ages mankind has actually been using the quick, clear, and often multilayered visual language to pass information

*An example of such language during the Middle Ages was *biblia pauperum* or the Bible for the poor, i.e. pictographs on the walls of churches, monasteries and chapels. These pictures, accompanied by narratives, formed a powerful flow of information that modelled religion, morality, traditions, taboos and everyday life as well. This was a constant narrative that educated the people during the Middle Ages. *Biblia pauperum* fused into folklore, poetry, literature, art; it taught people how to behave, reminded them of the Ten Commandments, taught fear and joy. It was a multilayered and interesting textbook of the Middle Ages. Resulting from that it can be said that a man of the Middle Ages, despite not attending school and being illiterate, was yet properly educated in accordance to the needs of those times. Even more, learning actually lasted throughout life.*

Key words: *biblia pauperum, narrative, philosophical, ethical and aesthetical aspects of picture writings, symbols.*

*Advised by Leida Talts,
Tallinn University, Estonia*

Maria Tilk

Assoc. Professor at Tallinn University, Estonia.

Muurivahe Street 17-4, Tallinn, Estonia.

Phone: +372 6442660.

E-mail: mariat@tlu.ee

Website: <http://www.tlu.ee/?LangID=2>